

*Игорь
Верещенский*

Пастух

12+

Игорь Верещенский
Пастух

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Верещенский И. А.

Пастух / И. А. Верещенский — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Он жил незаметно. И умер так же. На радость местным жителям, на счастье самому себе. Мы часто не замечаем таких людей. Они как изгой общества, как тени мрачных подворотен, некстати возникающих на пути. Но - у каждого из них есть своя тайна, своя история.

© Верещенский И. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

В оформлении обложки использованы собственные материалы автора.

1

За просторными полями, за дремучими лесами, на пологом холме, поднимающимся из густо заросшего деревьями широкого оврага, расположилась небольшая деревня. Деревня, каких тысячи в России. Полузаброшенная, полуразвалившаяся, постепенно зарастающая сначала травой, потом кустарником, который некому и незачем было вырубать, и наконец лесом. Вдали от цивилизации, и даже храбрые дачники сюда не добирались. Когда-то большая, теперь состояла она всего из восьми домов, три из которых уже были заброшены, и медленно, с каждым годом всё больше утопали в зелени лопухов, крапивы и кустарников – летом, и в сугробах – зимой. Кто бы мог подумать, что именно в этой забытой деревне вскоре произойдут события, потрясшие немногочисленных местных жителей.

Эти немногочисленные жители ещё как-то существовали в остальных пяти домах, и представляли собой в основном стариков. В одном только доме жила супружеская пара, лет сорока, без детей (так уж получилось) – Елена и Николай. На протяжении всей совместной жизни они питали мечты (и всем их разбалтывали) выбраться отсюда в город. Но мечты эти о другой жизни были из разряда тех, которым не суждено исполниться, видимо потому, что мечтатели прилагали недостаточно усилий для их осуществления. Только мечтали, и всё. А со временем такие мечты превращаются в воображаемый, нереальный мир, как наши представления о каком-нибудь далёком зарубежном городе, о котором мы ничего, кроме названия, не знаем. Да и правильно, для некоторых людей мечты должны оставаться таковыми навсегда, так проще жить. Сбывшиеся мечты зачастую разочаровывают.

Как и все, кто ещё был в состоянии, Лена с Николаем вели небольшое хозяйство, ни к чему грандиозному не стремясь – только чтобы себя прокормить. Держали корову, кур, сажали огород. Муж, разумеется, пил – чаще, чем периодически, но не так, чтобы совсем много, погружаясь при этом в свои неясные мысли, возможно мечты, и шатаясь в такие дни по деревне и крича «вот я бы!..». В эти моменты жена побаивалась его, поэтому никогда не вмешивалась, а скорее всего ей было просто наплевать. Придя уставшая со двора или огорода, она тихонько злилась на свою участь, и с каждым годом эта злость накапливалась, поскольку выплеснуть её было не на кого, а главное – бесполезно, что она очень хорошо осознавала, и эта бесполезность злила ещё больше. Конечно, она не была зверем; злость эта переходила в беспомощную тоску и добавляла морщин на когда-то красивое лицо, теперь, как правило, по-старушечьи окружённое платком.

Другие жители деревни были значительно старше. Чётко выделенная деревенская улица уже не различалась. Дома расположились по дуге – три жилых с одной стороны, довольно близко друг к другу, и два заброшенных напротив них, но не окна в окна, а под углом – смотрели в ту сторону, где когда-то стояло ещё много жилых и хозяйственных построек, а теперь всего лишь два дома на значительном расстоянии друг от друга, один из которых ещё был обитаем. Да, обитаем, жилым его назвать язык не поворачивается. А обитал там пастух. Ни за домом, ни за территорией вокруг него (той, что у приличных хозяев зовется огородом) не следил, как и за собой, хозяйства никакого не вёл. Его существование полностью обеспечивали жители деревни – в оплату за то, что он пас их скот. Вечно в своих резиновых сапогах, в длинном чёрном непромокающем плаще с капюшоном, иногда в фужайке с торчащей кое-где ватой, в бесформенных штанах, вызывающих вопрос, как такие вообще могли сшить. Он ходил с палкой, на которую опирался или погонял ею скот, неровной походкой, иногда что-то бормотал. Должно быть, высказывал такие же неровные мысли. Типичный пастух. Пил, когда давали, а не давали так и не пил. В деревне его недолюбливали, хотя он и был необходимым здесь человеком; считали странноватым. Людей, которые мало разговаривают и ни с кем близко не общаются, часто считают странноватыми. И хотя, казалось, в такой маленькой деревне все должны

знать друг друга как свои пять пальцев, никто не мог сказать точно, сколько этому пастуху лет. С течением времени он практически не менялся. Или, может, время здесь остановилось?

В любом случае, у каждого должны быть свои маленькие тайны.

Был в деревне и ещё один жилой дом – на краю холма, там, где земля уже начинала постепенно уходить вниз, к лесу, туда же и вела грязная просёлочная дорога – единственная связь деревни с внешним миром. Доходила дорога только до этого первого дома, другие дома отсюда почти не виднелись из-за разросшегося кустарника и одичавшего сада, некогда принадлежавшего людям, которых давно нет. Дальше вела тропинка. Потому что дальше никто никогда не ездил.

Жила в доме этом ещё одна супружеская пара – Нина и Фёдор, лет 65-и, но бодрые и энергичные. Вся их бурная деятельность была направлена на преувеличение собственного достатка. Они разводили кур, гусей, овец, держали пару коров, и все полученные от них продукты отвозили на старом тракторе по той самой дороге через лес в крупный посёлок, где продавали. С остальными жителями деревни они общались мало, да и некогда им было, и жители эти редко к ним заглядывали, только по необходимости – что-то попросить. Но благодаря грубому резкому характеру Нинка быстро всех выпроваживала, и такие необходимости возникали всё реже. Муж обычно был занят и не обращал на это внимания, сама она тоже много работала и не переносила попрошайек и лентяев, которыми, по её мнению, были все, кроме неё. Основную часть стада, которую ежедневно, с мая по сентябрь, пас пастух, составляли их овцы и две коровы. Были в стаде ещё и две облезлые козы сварливой бабы Зои из дома, что стоял посередине тех трёх. Слева от неё жили Ленка с Николаем, а справа в покосившемся доме – девяностолетняя бабуля, которая никого уже не держала и почти ничего не выращивала, так как не могла уже, а только целыми днями сидела у окна или у дома на скамейке, рядом с огромным кустом гордензии.

2

Дни здесь отличались друг от друга разве что погодными условиями. Один из таких дней середины августа выдался дождливым. Для пастуха он, как обычно, начался полседьмого утра, когда он подошёл к дому Нины с Фёдором и выгнал со двора стадо из двух коров и около пятнадцати овец. Жители кормили пастуха по очереди, продолжительностью в зависимости от того, сколько у кого было скота. Не трудно догадаться, что самая продолжительная очередь была как раз у Нины с Фёдором, и она началась именно сегодня. Пастух взошёл на крыльцо дома и постучал в дверь в надежде на то, что ему дадут что-нибудь с собой поесть. Обычно так и делали – всё-таки весь день в поле сидеть. Открыла Нинка. Вытирая руки о передник, недовольно спросила:

– Ну чего?

– Дай с собой-то!

Нинкино лицо из недовольного мигом превратилось в раздражённое:

– Да сейчас! Иди паси, завтра дам. Прошлый-то раз одна овца пропала, так что посмотри, что нынче будет. А то вообще ничего не получишь! – и закрыла дверь. Пастух ещё смог услышать удаляющийся голос: – Всем лишь бы жрать и ничего не делать...

Он развернулся, пошёл к калитке. Такие слова ему приходилось слушать не первый раз, тем более от Нинки. Он никогда не настаивал. И зла не держал. Этак злости не хватит на всех.

Сторожевой пёс лениво посмотрел на него из будки. Он знал его и никогда не лаял. Перед ним стояла миска с недоеденной костью и куском размякшего хлеба. Бросив туда сытый взгляд, он зевнул и отвернулся, полностью исчезнув в будке. Пастух достал из кармана своего длинного плаща, надетого сегодня, что бы не промокнуть, чёрствую ржаную горбушку и неспеша погнался в сторону остальных домов с целью захватить там ещё корову и двух облезлых

коз. Пастбище располагалось за этими домами и представляло собой небольшое поле, ещё не до конца заросшее кустарником. На покосах летом пасти скот не разрешалось.

Проходя мимо дома бабы Зои, он заметил её в огороде:

– Эй! Дай чего-нибудь с собой!

– Палки я тебе сейчас дам! У богатых проси, их очередь.

– Не дают они!

– И правильно делают. Пасти нормально не умеешь. Иди давай!

Моросил лёгкий дождь, больше похожий на очень крупный туман. Пастух накинул капюшон на голову. Дойдя до поля, сел под огромный клён, где проводил каждый день. Там лежал толстый сломанный сук от дерева, на него он и сел, прислонившись спиной к стволу с грубой корой, кое-где поросшей лишайником. Перед ним – пепелище от костра, обложенное камнями разной величины; теперь всё мокрое. Он доел горбушку хлеба и плотнее закутался в плащ. Усилившийся дождь хлопал по листьям и по капюшону плаща, наполняя всё вокруг равномерным успокаивающим шумом. Животные разбрелись по полю и прилегающим кустам, постепенно в них скрываясь. Пастух этого не замечал; он задремал и вскоре совсем заснул.

Проснулся он от сильного порыва ветра, который донёс сорванные с листьев капли до его лица, несмотря на надвинутый капюшон. Небо окрасилось в равномерный серый цвет без каких-либо просветов; дождь всё также шёл, хотя и не очень сильный. Пастух поднялся на ноги и окинул взглядом поле и кусты – ни овец, ни коров! Ни кем не контролируемые, они разбежались по лесу. Пастух взглянул на старые наручные часы, данные кем-то из деревни, чтобы он вовремя пригонял скот обратно. Это «вовремя» наступало через два часа. Взяв свою палку, он решительно двинулся вперёд. Животные убегали от него не первый раз, но найти их обычно не составляло особого труда, поскольку далеко они не уходили. Иной раз они сами находили дорогу домой, вдоволь нагулявшись и наевшись, но это, как правило, оборачивалось для них неприятными последствиями – небольшими ранами или вывихнутой ногой, полученными, пока они шатались по лесу. И более неприятным для пастуха оказывалось потом общение с их хозяевами.

Почти три часа проходил пастух по лесу и нашёл только овец. Уже шатаясь от усталости и голода, он погнал их в деревню. Кроме того, видимо из-за сна под дождём, у него начался кашель, а в пояснице появилась ноющая боль, усиливающаяся при движении. От длительной ходьбы ныли и ноги.

Дойдя только до дома бабули, он увидел идущую ему навстречу в жутком красном дождевике Нинку, обеспокоенную его опозданием. Они поравнялись у дома Лены и Николая. Увидев только половину стада, она тут же пошла в атаку:

– Э! А где коровы? Опять проспал!

– Да разбежались... Придут...

Нинка не дала ему даже толком ответить:

– Так иди ищи! Скотина ты эдакая, чего тогда припёрся!?

Расставив ноги на ширину плеч, она сжала кулаки, готовая к бою. Впрочем, в такой позе она довольно часто пребывала. Губы сжались, брови съехали к переносице, морщины проступили ярче. Лицо стало красное, почти как дождевик. Подойди он к ней, она бы точно ему врезала. Но пастух предпринял ещё одну попытку:

– Мне поесть бы...

– Ах ты сволочь! Ему ещё жрать подавай! – от злости она захлёбывалась, кулаки тоже стали красные, как дождевик. – Говно собачье жрать у меня будешь! Проваливай! Иди коров ищи!

Пастух хотел было ещё что-то возразить, но его стал душить приступ кашля, всё усиливающийся. Нинка продолжала что-то орать; кашель только злил её ещё больше, как обычно

бывает, когда хочешь причинить боль более слабому, чем ты, человеку. Его неспособность защититься только раздражает, и подсознательно ты ждёшь, когда же он хоть что-то ответит.

На шум из дома вышла Ленка. Поняв, в чём дело, она подошла к ним и тоже обратилась к пастуху голосом привыкшего к безысходности человека:

– Ты что, последнее хочешь отобрать у нас? Иди ищи мою корову! И без неё не возвращайся!

Последнюю фразу она прокричала уже срывающимся голосом и с проступившими слезами. Пропавшая корова всего лишь стала последней каплей, послужившей причиной её нервного срыва. Она стала звать мужа, но тот так и не вышел. Отступая к своей калитке, она всё продолжала кричать сопливым голосом:

– Собаку на тебя спустить надо! Чтоб ты провалился! Чтоб ноги у тебя отказали! Коля, где ты? Коля!... – хлопнув старенькой калиткой, она убежала в дом.

Нинка всё продолжала отчитывать пастуха, припоминая (или придумывая) все случаи, когда оставалась недовольной им. То есть почти всегда. Присоединилась к ней и баба Зоя, появившись почти сразу после Ленки. Каким-то чудом, между их ругательствами, пастуху удалось вставить фразу:

– Да спина болит у меня! Не могу...

– Заткнись, заткнись скотина пустоголовая! Коз моих найди сначала! Пойдешь ты или нет!? – кричала Зоя, тыча в него пальцем.

Медленно пятясь назад, пастух всё же надеялся, что ему разрешат хоть немного передохнуть. Потому это, наверно, была самая длинная ссора в его жизни.

– Да не могу я...

– Ах он не может!! – В порыве злости баба Зоя оторвала от гнилого забора штакетину и вмазала по спине пастуху. Гнилая палка сломалась, не причинив особого вреда. – Вали отсюда наконец! – проорала Зоя, швырнув остаток штакетины в траву. – А то ещё получишь!

Пастуху ничего не оставалось делать, как пойти обратно. Зоя с Ниной ещё сказали что-то друг другу, потом Нина погнала овец домой, а Зоя ушла к себе, напоследок бросив на пастуха злобный взгляд. Хотя в глубине этого взгляда и было какое-то недоумение, как у человека, который не ожидал от себя такой выходки.

Шатающейся походкой пастух проходил мимо дома бабули, когда услышал её дребезжащий голос:

– Ээй! Поди-ка сюда.

Всё это время она сидела у дома на лавочке, слева от которой цвёл пышный куст гортензии, и наблюдала сцену на деревне.

Пастух подошёл.

– Пойдём я тебя покормлю. Совсем эти заразы тебя забили, – добродушно сказала бабуля, медленно поднимаясь с лавки.

– Да мне искать надо...

– Ничего, поешь и пойдёшь, никуда ихние коровы не денутся. Пускай сами ищут.

Продолжая что-то бубнить, бабуля осторожно поднималась по ступенькам веранды. Пастух последовал за ней.

Нинка пригнала овец к дому. За время этой недолгой дороги ни недоумения, ни тем более сожаления среди её чувств не возникло. Она даже не столько переживала за коров, тем более что пропадали они и раньше и всегда потом находились, сколько просто злилась и хотела, чтобы этот полудурок пастух получил наконец по заслугам. Каждый должен получать по заслугам! И выполнять свою работу хорошо. Они с мужем и кормят этих коров, и убирают за ними, и огород выращивают, ему остаётся только их пасти, а он и с этим справится не может! Ещё и корми его при этом. Накрутив себя ещё больше по дороге (теперь, правда, злость превращалась в негодование), дома Нина рассказала о случившемся мужу. Тот сказал только:

– Всыпать ему надо хорошенько, – и отправился кормить овец. Нина собиралась немного успокоится, выпить чаю и уже достала чашку, но вспомнила, что сегодня нужно прополоть картофель, пока мокрая земля. Яростно запущенная чашка разлетелась вдребезги об пол.

Николай, муж Елены, сидя на кухне и намереваясь хряпнуть очередную рюмашку, слышал, как жена, хлопнув дверью, вошла в дом и направилась в комнату. Затем оттуда послышались робкие всхлипы. Послушав их пару минут, Николай неохотно поднялся из-за стола, решив узнать, что там опять случилось. Уже стоя на ногах, в его голове вспыхнула вдруг мысль, словно тусклая лампочка в тёмной грязной комнате, что водки-то нужно и на завтра оставить, денег и так нет. А те, что бывали, он, как правило, зарабатывал у Нинки с Фёдором, чем-нибудь им помогая по хозяйству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.